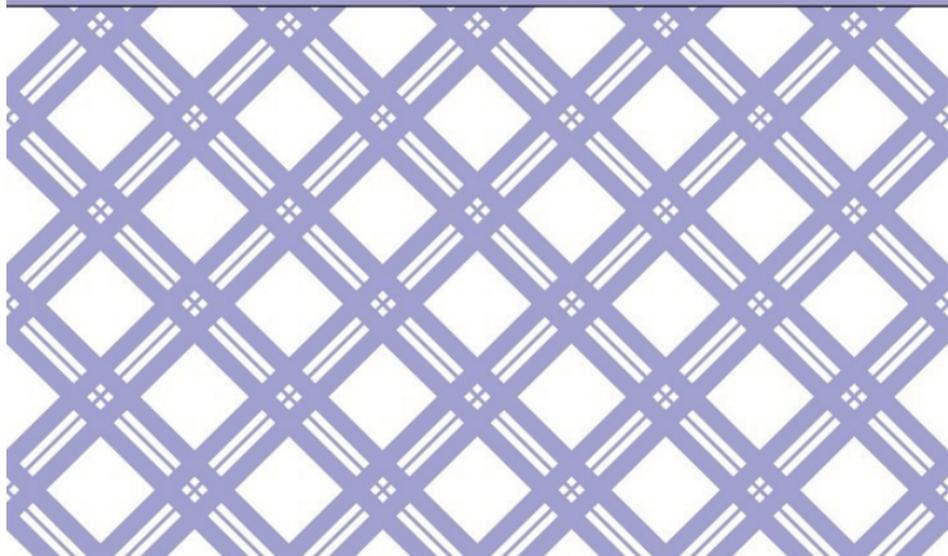

Евгений Дергалин

*О жизни и
любви*

Рассказы, фэнтези, стихи

Евгений Андреевич Дергалин
О жизни и любви.
Рассказы, фэнтези, стихи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23792705
ISBN 9785448506437*

Аннотация

Вот и всё. Я даже почему-то рад, что остался инкогнито, что мне не предстоит проходить через медные трубы. Я сделал то, что должен. Мне остается поставить точку. В моей книге читатель, возможно, поймёт всё то, что я хотел сказать или догадается о том, о чём даже сейчас я не могу говорить открыто. И всё-таки мы прорвались сквозь тернии. Может быть один в поле не воин? Или всё же и один в поле воин, если он по-русски скроен?

Содержание

Рассказы, фэнтези	5
В КГБ тоже люди	5
Часть 1	6
Часть 2	9
Метаистория	15
Часть 1	16
Часть 2	19
Часть 3. Часть последняя, заключительная (возможно)	23
Часть 4	25
Сталкер поневоле, или Приключения в стране мутантов	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

О жизни и любви
Рассказы, фэнтези, стихи

Евгений Андреевич
Дергалин

© Евгений Андреевич Дергалин, 2017

ISBN 978-5-4485-0643-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы, фэнтези

В КГБ тоже люди

Часть 1

Егор быстрой походкой шел по мокрым тротуарам. Вечер, было уже темно, с неба моросил неприятный, холодный, мартовский дождь. Пальцы в кармане вцепились нервно в три рукописные листовки, только что им написанные. Был 1983 год, не так давно умер Брежнев, правил новый генсек. Надежды Егора не оправдались, от перемены мест слагаемых власть не изменилась. Не стало только поцелуев врасплох, бесконечных наград и присвоения непонятных званий. Сегодня все совпало, давнее непреодолимое жгучее желание попробовать изменить позорную власть на своей родине, грозящее увольнение по статье за прогул. Прогогулял не в отчаянной пьянке, как кто-нибудь мог подумать. Вчера он приехал из Москвы, где пытался пройти в какое-нибудь иностранное посольство. Менты стояли вокруг них, как неприступная крепость. Однажды, когда в одно из посольств въезжала машина, он упустил момент, чтобы вбежать за ней в ворота. Отчаявшись, в открытую пошел к зданию немецкого посольства. К нему бегом помчался милиционер. А ну-ка стойте! – странно вежливо сказал он подбежав, запыхавшись. А что Вам надо? – как бы не понимая сердито сказал Егор. – Ваши документы, пожалуйста! Егор достал паспорт и отдал его. Милиционер пролистал паспорт, записал данные.

– С какой целью Вы здесь? – сурово спросил он.

– Хочу уехать, надоела ваша власть. Что, не имею права? –

Имеете. Вы должны делать по правилам.

– А как по правилам? Нигде не написаны эти правила, нет никакой информации.

– Поезжай домой и там начни.

– А как начать? Что делать? Милиционер промолчал.

Все понятно, – безнадёжно проговорил Егор.

Он вернулся в Саранск. Но отступать уже похоже нельзя. Клеймо уволенного по статье, звание антисоветчика, полный комплект. И желание разбудить заснувшее, словно заколдованное, советское царство. Нервы, нервы, сегодня снова немного выпил для уверенности. Он и не пытался быть безупречным, морально устойчивым революционером, не до выпендрёжа. Егор подумал, что его, возможно, станут разыскивать с собакой. Удачно, сейчас дождь и лужи. Не думал долго скрываться, но не хотел, чтобы милиция или КГБшники с собакой притащились к нему домой. Забавно даже запутать сыщиков. Егор выбирал намеренно лужи, что вдоль дороги и шел по ним. Неприятно, мокро, ну да ладно! Подошел к троллейбусной остановке. Достал листовку, надел перчатки, протер перчаткой листовку, чтобы возможно стереть отпечатки. В перчатках же достал клей, нанес его на листовку и приклеил на железный столб остановки. Дело сделано, пошел дальше по улице Коммунистической, выбирая вновь по пути лужи. Повернул на улицу Льва Толстого, там над до-

рогой нависало массивное здание КГБ. Немного не доходя до этого здания, завернул во двор близлежащего дома. Снова протер перчаткой листовку, сразу нанес слой клея и аккуратно засунул в карман, умудряясь придерживать края кармана той же рукой с листовкой. Вышел из двора, огляделся по сторонам, никого... Подошел к двери КГБ, мгновенно прилепил² листовку и двинулся далее. Сразу поворот на Советскую площадь, там здание Верховного Совета с колоннами, театрального вида и типа. Неспешно подошел к Верховному Совету. Снова в перчатках смазал клеем листовку и прилепил ее на колонну. Надо же, все получилось. Немного знобило, завернул на проспект Ленина, затем снова на улице Коммунистической дошел до остановки и запрыгнул в подошедший троллейбус. Всё, собакам его не достать. Он ехал домой, с осознанием выполненного долга честного и разумного человека. Пусть кому-то это покажется как угодно глупым, наивным, пусть...

Часть 2

На следующее утро Егор, проснувшись, долго перебирал в мыслях события прошедшего дня. Его комната была переделана из кладовки с небольшим расширением, около полуметра, за счет соседней комнаты. Комната была квадратной, два на два метра. Двери не было, только занавески. Мама не любила дверей. Как ей казалось, без дверей она могла лучше контролировать своих детей. Окна на улицу тоже не было, лишь квадратное окошечко в соседнюю комнату у потолка. Кровать, стол, стул это вся мебель. Обстановочка, конечно, не ахти, но многие не имели и этого. Те, кто выбрался из однокомнатных коммуналок, был бесконечно рад подобной роскоши. Молодец все-таки Хрущев, не на словах, а на деле обеспечил народ жильем. Как бы его партийцы не ругали и восхваляли новых генсеков, благодарность ему остается в памяти людей. Не вставая с постели, Егор начал обдумывать дальнейшие свои действия. Он не собирался скрываться от органов, рано или поздно его все равно найдут. Решил просто сдаться с осознанием выполненного долга. Несправедливость вопиющая, которая воцарилась в стране, много лет не давала ему покоя. Революции не будет, а жить как жил, совсем бездействуя, больно. Он подумал: Надо же что-то говорить в органах и наверное показать листовку, чтобы меньше объяснять. Егор встал с кровати, взял

в руки книгу, где до того лежали листовки. Книга называлась «Униженные и оскорбленные». Он перебрал листы и затем встряхнул ее, не осталось даже черновика. Пришлось вспоминать. На половинке тетрадного листа воспроизвел текст: «Требую выпустить меня из страны. Свобода передвижения является естественным правом человека. Страна в тупике, из тупика необходимо выбираться. Или давайте это делать вместе.» После этого Егор оделся, положил листовку в карман, взял паспорт и вышел на улицу, направившись напрямиком в КГБ. Было 9 часов утра. Он снова прошел тем же путем, что вчера, листовок уже не было. Как, собственно, Егор и ожидал. И снова подошел к зданию КГБ. Мощная архитектура, красивый, солидный дворец. Вошел в дверь, через тамбур дальше. У входа за столом дежурный в военной форме, оформляет документы. Рядом группа мужчин из нескольких человек. Огромная лестница, застеленная красными коврами. Как из кинофильма, словно в княжеском дворце. Егор прислонился к стене и молча ждал. Прошло минут пять, на него никто не обращал внимания. Он уже в душе начинал возмущаться: «И здесь бюрократия!» Через пару минут Егор повернулся и пошел к выходу. Его никто не окликнул, никто не задерживал. Выйдя на улицу, после некоторых раздумий, решил пойти в кинотеатр. Когда еще придется посмотреть кинофильм! Предстоит большой срок в тюрьме, он был готов к этому. И так почти до вечера – фильм за фильмом. Около 16 часов снова направился к зданию КГБ. Вошел в здание,

на этот раз дежурный сразу обратился к нему:3 Вы по какому делу? Егор молча подал листовку.

– Это где Вы взяли?

– Сам написал.

– Ваши листовки были расклеены?

– Да.

– Документы есть? Егор молча подал паспорт. Дежурный засуетился. – Подождите здесь, не уходите. Вы не уйдете?

– Нет.

Торопливым шагом дежурный пошел по лестнице на второй этаж. Очень быстро вернулся. Вслед за ним спустился невысокий, пожилой человек в гражданском. Идите за мной, – обратился этот человек к Егору. Они поднялись по лестнице с красными коврами на второй этаж. Прошли по широкому коридору в один из кабинетов. В кабинете за длинным столом находились несколько человек в военной форме. Во главе стола восседал полковник. Все глядели на Егора, как на диковинного зверя. Полковник спросил: Зачем ты распространял листовки?

– Надоел бардак.

– Тебя же посадят.

– Пусть.

– Ну что же, забирай его, действуй Рябов, – обратился он к человеку, с которым Егор пришел. Рябов провел Егора в кабинет, находящийся неподалеку. Присаживайся, – сказал Рябов, указав на стул. Сам же сел напротив, с другой стороны

стола.

– Я подполковник Рябов. Занимаюсь подобными исключительными вопросами.

– Такими ненормальными людьми?

– Да нет, ты неправильно понял. С какой целью ты расклеивал листовки?

– Надоела несправедливость. Мы в тупике, надо из него выбираться.

– В чем же эта несправедливость?

– Ну, вот меня собираются увольнять по статье. И после этого я ограничиваюсь в правах и не смогу устроиться на нормальную работу. Я писал заявление по собственному желанию, а меня хотят уволить по статье. Я не хочу так жить.

– Для чего ты распространял листовки? Чтобы вызвать возмущения?

– Нет, чтобы обратили внимание.

– Ага, ясно, значит не для антигосударственных действий.

– Нет, все равно я ничего не смог бы сделать.

– Это правильно, – Рябов достал из ящика стола яблоко, разрезал его перочинным ножом, подал половинку Егору.

– Угощайся.

– Не хочу.

– Не стесняйся.

Егор взял яблоко и стал его есть. Он уже начал понимать, что ему бросают спасательный круг. В кабинет зашел еще один КГБ-шник. Он спросил Рябова: Это тот самый? Да, –

ответил тот. Рябов обратился к Егору: Много еще у тебя листовок?

– Все расклеил. Эту утром написал.

– По памяти? – спросил пришедший КГБ-шник.

– Да.

– Хорошая память. Я бы такую ерунду не запомнил. Егор промолчал.

– Где ты хранил листовки? – спросил Рябов.

– В книге.

– В какой?

– «Униженные и оскорблённые».

Оба КГБ-шника засмеялись.

– А потом будет преступление и наказание! – сказал тот, что помоложе. Не люблю эту книгу, – ответил Егор.

– Ну что же, на работе твоей я договорюсь, – снова заговорил подполковник Рябов, – Пиши объяснение.

– Ничего не буду писать.

– Пиши, пиши, он правильно советует, – молодой КГБ-шник улыбнулся.

– А суд будет?

– Суда не будет, – ответил подполковник.

– Надо подумать.

– Ну, думай, только не долго. Егор задумался. Всё – таки дело, которое он задумал, получилось и с работой наладится. Может так поступить будет вполне разумно. Сделал дело и сохранил свободу. – Ладно, давайте напишу. Рябов стал

диктовать, Егор сначала просто записывал, а потом начал поправлять в смысле стиля повествования, даже сам удивился и подумал, что это прямо таки получается какой-то синдром и приумерил свой пыл. Когда закончили, подполковник вернул паспорт. Из КГБ с Рябовым они вышли вместе. Ну вот, – сказал он, – мы и расстаёмся. Встретишь меня когда-нибудь и не узнаешь. – Как не узнаю, узнаю. – Посмотрим. И он оказался прав. Лет через 20, в 2003 году Егора окликнул мужчина: Здравствуй! Не узнаёшь меня?

– Извините, Вы ошиблись! Я Вас не знаю.

– Нет, я не ошибся, – ответил он.

Егор молча прошёл дальше и только минут через десять он с трудом, но что-то вспомнил и догадался, что это был тот самый подполковник Рябов. Если бы не эта оплошность, надо было его поблагодарить. Прошло так много времени. И в КГБ тоже, оказывается, люди.

Метаистория

Часть 1

Я лежу на берегу ласкового Чёрного моря и люблюсь чудом. Прохладный, вечерний ветерок ласкает моё слегка обожжённое солнцем тело. Белые волны разбиваются о прибрежные камни, закатное небо спокойное и безмятежное, невероятная прелесть природы навеивает поэтическое вдохновение, достаю тетрадь и пробую писать. Постепенно веки тяжелеют, хочется спать и только какой-то яркий свет беспокоит и волнует. Я открываю глаза – удивительно красивое женское лицо, очи как неба синь.

– Кто Вы прекрасная незнакомка? – выдохнул я.

– Сам догадаешься, – чудный голос уже не забыть.

Это невероятно и голос, как реченька журчит, русский сафран и кокошник и звезда горит.

– Что, царевна—лебедь, сама пожаловала? – шучу я.

– Узнаешь! У меня к тебе дело.

– К Вашим услугам!

– Как тебе пишется, милый!

– Хочется, но с трудом идёт. Удивляюсь какие бывают плодовые!

– Не у всякого плодового останется что-то после.

– Но есть и другие!

– Есть! Хочешь, покажу тех, которые есть и которых для мира нет!

– Интересно как это?

В небе закружились белые и тёмные облака, к моему удивлению появилось нечто похожее на мираж, которое становилось всё более чётким – русоволосый парень спускался в подвал дома, в одной руке держал тетрадь и блокнот. Затем он положил тетрадь и блокнот на трубу и вышел из подвала.

– Вот так положено начало самой популярной и знаменитой рок – музыки восьмидесятых, девяностых и частично двухтысячных годов, – молвила девица.

– Как Вы сделали такое в небе?

– Я могу и не такое! – сказала она. Даже не удивляюсь. – А при чём тут этот молодой человек!

– Какие группы начала тех лет ты знаешь?

– «Аквариум», «Форум», «Кино», «Весёлые ребята».

– Это в основном его стихи!

– Ну, Б. Г. же поэт!

– Он хороший музыкант. Были у него другие попытки, но это как небо и земля. Шарик, к сожалению, сдулся.

– Что, об этом никто не узнает?

– Прекрасное далёко об этом узнает и не только прекрасное далёко, простит многих, как и в его песне, но не всех.

– Как же случилось такое?

– Тяжёлое время и надо было прятаться. А он имел неосторожность, для конспирации, подписать некоторые свои стихи именами уже известных людей и они с удовольствием записали его произведения в список своих достиже-

ний. Громкий голос заставил меня обернуться. Ну, конечно, дядя милиционер. Кому ещё придёт в голову спрашивать у раздетого человека документы? С въедливым, генетическим страхом достаю паспорт из кармана брюк, лежащих немного в стороне и показываю его милиционеру. Всё в порядке, он уходит, но нет и прекрасной девушки. В кружевах облаков темнеющего неба заметно слабое подобие надписи – Сара... Что же это было?

Часть 2

Видения не закончились. Это была не галлюцинация и не было реальностью. Но было настолько реалистично, как случается во время вещих снов. На следующий день я прогуливался по набережной, вдыхая ароматы моря, субтропической цветущей флоры. На склонах пальмы, дикие бананы и прочие странные для меня растения. Я подошёл к одной из множества скамеек, стоящих вдоль тротуара и присел, вглядываясь в морскую бесконечность, туда, где море сливается с небом. Жара..., пространство задрожало, а мозг затуманило монотонностью перестука колёс железнодорожного состава. Плацкартный вагон, люди, набитые в нём, как селёдка в банке, тот жеб русоволосый парень. Пассажиры беседуют. Эх, Женя, люблю поезда, едешь сколько хочешь, – говорит один из мужчин. Я бы не сказал, едешь только до того места, куда куплен билет, – отвечает Женя. Я уже знаю, что это его имя.

– Но едешь куда захочешь.

– Только там, где проложен путь. Немного подумав, Женя добавляет: И вышли оба у Таганрога и каждый пошёл своею дорогой.

– Что?

– Ничего, хорошие стихи бы получились.

На соседней полке вдруг вскочил кудрявый пассажир,

до того времени казалось бы спавший. И моё удивление – я вижу, что это Андрей Макаревич, тот самый. Поезд вскоре останавливается, парень выходит вместе с экскурсионной группой. На здании вокзала написано название «Черновцы». Помню, что это кармический город. Но откуда я это знаю? Я почти реально присутствую в этой ситуации, экскурсия мне доставляет удовольствие. Бульжные мостовые, трамвайные пути... Женя покупает книги. Я вижу, что это книги о философии. Идущие навстречу туристы, из его туристической группы, берут в руки его книги и весело смеются, увидев названия этих книг. Видения обрываются, далее всё те же и посадка на теплоход в Одессе. К нашему парню подходит девушка и умоляюще просит: Ты может быть согласишься поменяться каютами? Меня поселили с мужчинами.

– Пожалуйста, мне без разницы, – отвечает он.

– Ой, спасибо, спасибо!

Все разместились, корабль отчалил, быстро темнело. Женя вышел на палубу, там уже прогуливались туристы, подошёл к скамейке, где сидели девушки и присел с ними рядом. Одна из них, жгучая брюнетка спросила: Ты нас искал?

– Да.

– Расскажи что-нибудь!

– Что именно?

– Расскажи, что ты делал у Клавы на балконе?

Парень оживился, по лицу его видно было, что ему хочется подурочиться.

– Я на балконе у Клары? Ух ты какая! Когда же?

– Да, я тоже видела, Сашенька правду говорит», – подтвердила другая симпатичная, пухленькая девушка. Парень рассмеялся: Что я у Клары делал на балконе? Ух, я какой!

– Расскажи ещё что-нибудь. Где ты работаешь?

– На почтовом ящике.

– Правда?

– И вообще я режиссёр. Я работаю на телевидении. Кто-нибудь хочет сниматься в кино?

– Ты же сказал на почтовом ящике!

– Ну, да, на почтовом ящике с телевизионным уклоном. В моих глазах мутнеет, а затем наплывает лицо человека, сидящего на соседней скамейке, метрах в пяти от Жени. Я узнаю его, знаменитый сатирик Аркадий Хайт. Разговор продолжается.

И вообще я руководитель рок-группы, – Жению понесло.

– Какой? Скажи название.

– Аквариум.

– Почему?

– Потому, что я в нём золотая рыбка. Отнеси меня к реке, положи меня в воду...

– Что ты сказал?

– Ничего.

Теперь я вижу увеличенное, наплывающее от соседней скамейки, лицо Бориса Гребенщикова, через несколько секунд изображение исчезает.

- А как бы назвал женскую группу?
- Комбинация.
- Что это означает?
- Отчасти шахматы и интрига.
- Какая интрига?
- Женское бельё.

Я слышу песню в исполнении Кати Семёновой и вижу её в освещённом окне бара, ещё пока не звезду. Вижу проходящего (и в будущем знаменитого певца) Крылова. Ох, не случайно здесь они сегодня собрались. Или случайность это жёсткая закономерность? Самое удивительное чудо, словно лёгкое, незаметное касание, но действует, как мощный катализатор.

Часть 3. Часть последняя, заключительная (возможно)

Уже заканчивалась тусовка сар-ской литературной общест-венности. Прозвучали стихи, некоторые даже неплохие. Поэт Сёмичев с загадочным видом: А теперь я расскажу вам интересную историю. Одна моя знакомая обладает пророче-ским даром. Так вот она предсказала, что в нашем пригород-ном поселке Луковка будет жить поэт, слова которого будут слышны по всей стране.

– О! – раздался восхищенный, дружный вздох литератур-ный общест-венности.

– Кто же это? – спросила милая девушка.

– Неизвестно – ответил Сёмичев.

– Если кто там живёт, возможно его знают?

– Я там живу.

О! – снова пронёсся восхищенный вздох. И почти ни у ко-го не появилось сомнения, что это все о нём.

– Так это же обо мне! – внезапно осознал Женя.

– Но я живу не в Луковке. Сёмичев считает, что это о нём. Странно, его стихи того не стоят. Может еще кто-то. В это время Сёмичев подходит к нему и возвращает тетрадь со стихами: Возьмите! Вот что я Вам скажу! Еще очень сла-бо, кое – что есть.

И кто говорит? – подумал Женя. – человек, которому

очень далеко до настоящего поэта. Но приходится утереться и промолчать. Он уже был изгнан из литературного клуба «Парнас». Неповадно будет иным критиковать «благодетельницу», администратора Худину. В позе благодетельницы она уже добралась до чина заслуженной писательницы – небольшой, но республики. Однажды, когда неумолимая судьба неожиданно занесла Женю на жительство в Луковку, он вспомнил всё. Теперь Женя живет в той самой Луковке. Уже совсем не юный, так и не ставший даже перспективным. Его стихи слышала вся страна и любила. Огромное количество песен написано на его стихи. Слова Жени слышит до сих пор вся страна. Вот такая вот петрушка. Может когда-нибудь и этот мираж развеется, как миражи «Миражей», театр абсурда в реальном времени.

Часть 4

Зашторены окна, отключён телефон. А из глубин души поднимается знакомое чувство. Полумрак, вибрирует тишина. И радуга, словно, намёком из окна. Зимой? Сквозь тяжкие облака и к вечеру? В циничном нигилизме, как консервы в собственном соку. Радуга всё ярче и вот яркий свет! Из него русоконое диво – девушка в русском, сказочно красивом, сарафане.

Здравствуй, дитя моё! – молвила красавица.

– Ну, уж я то не дитя!

– Все вы дети наши!

– Значит так то Вы ко мне, непутёвому.

– Не всем дано знать свой путь, не всегда это нужно.

– А кому нужен этот путь?

– Ты многое забыл. Хочешь снова увидеть?

– Как в последние минуты перед смертью.

– Не унывай! Попробуй догадаться, почему я появляюсь не в Сочи у моря, а здесь уже. Всё быстро меняется и обещанные события уже скоро. Теперь смотри!

Растаяло пространство, я вижу словно параллельный мир. Дух захватывает. Это вам не 3D, не четыре и не сто. Мелькает всё быстро, некоторые эпизоды во мраке и немые.

– Что за темень?

– А это исчезнет.

Цепь событий. Во мраке многие онемевшие правители. Деятели ушедшие.

– Этих то я по телевизору только видел.

– Слово переходит из уст в уста. Мудрость, юмор, чёткая позиция и ясная формулировка, как волна света. Всё не напрасно. Это по силам. Не по силам ноша Христа. Промелькнули пингвиноподобные на вручении Нобелевской премии.

– И здесь связь? О, ужас! Адронный колайдер! Вот, блин! – Удивился? А теперь смотри, как связано! – сказала девица.

Я на работе, в цехе. Коллега спрашивает: «Интересная есть задача. Сможешь решить?»

– Запросто, – шучу я.

– как сделать деталь, чтобы закрепить изнутри?

– Это просто, если изнутри вставить пружину.

И снова там же через некоторое время. Снова спрашивает тот же коллега: «Есть очень сложная задача!»

– Какая?

– Как сделать сверхтонкий проводник?

– Запросто можно сделать. Берётся скотч, накладывается на угольную пластину и отрывается.

– А как же потом отлепить проводник?

– Зачем? Так это же ещё лучше! Он будет гнуться!

Мало сказать, что я в шоке! Мне ли взвесить или оценить? Вот это точно слабо...

Сталкер поневоле, или Приключения в стране мутантов

– Ну что, теперь подписывай! – сказал милиционер.

– Давайте, сначала я прочитаю, – ответил Лёша.

– Потом прочитаешь.

– Нет, сначала прочитаю, а потом подпишу. Лёша взял листок и быстро пробежал глазами записи. Всё вроде бы в порядке. Но зачем торопят?

– Это твоё? – милиционер-кавказец показал на монеты, лежащие среди изъятых личных вещей.

– Моё.

– У меня таких не бывает.

– Давали сдачу, я брал, в центре сдачу дают.

– Снимай шнурки!

– Зачем? Боитесь, что я повешусь? – удивился Лёша.

– Снимай, так надо.

Он снял шнурки и отдал их. Его повели по тёмному коридору вдоль камер, в дверях которых были проделаны окошечки, сейчас наглухо закрытые. Одну из дверей открыли и провели Алексея в камеру. Половину камеры занимал до метра высотой деревянный, крашенный красной краской, настил. Какая то вонючая ёмкость стояла в углу, на ней сидел мужчина и справлял надобности. На деревянном настиле лежало три человека. Дверь с грохотом закрылась. – На-

верное это и есть нары, – подумал Лёша. Он забрался на свободное место и пристроился поудобней. Справа от него лежал молодой, крупный парень. Слева невысокий, бородатый мужчина. Рядом с ним ещё один ничем не примечательный, худощавый человек. На стене в углу, почти под потолком, светила блеклым светом маломощная электролампочка. Вот гады, даже шнурки забрали. Наверное, думают, что я повешусь, – недоумённо проговорил Лёша.

– У всех забирают, – ответил бородатый.

– А это что... это и есть нары?

– А ты думал какие они? Я думал что-то вроде кровати, – удивился Лёша. А это значит параша? – он указал на грязный сосуд.

– Ага.

Через несколько минут за дверью началась какая-то возня, окошечко открылось.

– Принимайте еду, – раздался голос. Выдали алюминиевую посуду – тарелки, кружки, ложки, уже заваренный чай в алюминиевом же чайнике и в кастрюльке какую-то протухшую жидкость. Эту жидкость разлили и стали есть. Лёшу от вида этой еды начало подташнивать.

– И эту гадость есть? – подумал он.

– Ты чего не ешь? – спросил бородатый.

– Да с этого опоносишься. А мне ещё в поезде ехать. Если бы я знал, что меня точно посадят, я бы стал есть. Я буду пить только чай.

– Как хочешь.

После того, как покушали, один за другим потянулись на парашу. Камера была переполнена ароматами и «артиллерийскими» звуками. Лёша прислонился к стене, поджал под себя ноги и уставился взглядом на тусклую лампочку. А начиналось всё так хорошо. Долгожданный отпуск и поездка на юг, первый раз, дикарём. Путёвки на заводе давали только по блату. А так хотелось путешествовать! Наконец отпуск. И вот поезд «Москва-Батуми», на душе легко. Наши советские субтропики, самый что ни на есть юг. Был октябрь, а там должно быть ещё тепло. Познакомился с одним парнем-кавказцем, поговорили по душам. Перед конечной остановкой, в поезд зашёл пожилой мужчина. Новый знакомый поговорил с ним на своём языке. Потом спросил: Ты по путёвке или так?

– Дикарём.

– Вот, можешь поселиться у него, – и показал на того мужчину, своего собеседника.

– Ну и замечательно.

Этот мужчина жил в двухэтажном частном доме, в нескольких кварталах от моря. Лёшу поселили на первом этаже, в маленькой комнатке с двумя кроватями, одна из которых пустовала. Вход был отдельный. Освоился и сразу на пляж. Город не произвёл впечатления. Старый, типично кавказский город, в основном двухэтажный. Но природа необычная, красивая и прекрасное море. Отдохнул на пля-

же, плавал в тёплом море. После этого пошёл прогуляться по городу, кое-что купил из вещей в универмаге в центре. Симпатичные брюнетки-продавщицы, очень вежливые. Говорили в Грузии не сдают сдачи, оказывается сдают. Забрёл на рынок, цены не подъёмные, спекулятивные. Рынок неопрятный, как и продавцы. Решил побродить по окраинам. Ничего примечательного, всё однотипное. Увидел столовую, решил покушать, купил какое-то блюдо с курятиной.

– Сколько стоит? – спросил Лёша у мужчины за прилавком.

– Три рубля. Подал десять рублей, стал ждать сдачи. От продавца никакой реакции.

– А сдачу?

– Нет сдачи, иди ешь. Так вот где не сдают! – подумал он. И уже осведомлённый в том, что добиваться бесполезно, сел трапезничать. Блюдо вкусное, но очень острое. Когда возвратился, соседнюю, пустующую койку уже занимал парень. Познакомились, договорились с ним на следующий день прогуляться вдоль берега в направлении на север, сколько хватит сил. С утра, позавтракав в столовой в центре города, по дорогам, тротуарам шли вдоль побережья, любуясь чудесной природой и морем. Заходили недалеко в горы. Интересно было узнать, как же здесь живут крестьяне. Люди в общем мало отличались от нас. Не те, что на рынках по стране. Но еда острая до невозможности. Вернулись домой, поздно вечером на электричке, довольные. Ещё два дня загорали, купа-

лись, развлекались. Лёша купил карту, начал изучать её, думая где бы побродить. Нашёл на карте место, которое называлось Гонио. Там находилась какая-то античная древнегреческая крепость. Решил на следующий день там побывать. Сосед отказался, сказав, что его предупреждал хозяин, чтобы не ездили в Гонио, якобы туда нельзя. Лёша не поверил. Если на карте есть, значит можно. И вот оно новое, счастливое утро. Приятный, тёплый, насыщенный необычными ароматами воздух субтропиков. Ждет новое и неизведанное. Прекрасные пейзажи там, где еще сохранились следы ушедших цивилизаций. Лёша очень уважал и ценил древнегреческих философов, был покорен их мудростью и мощью интеллекта. Очень хотелось ему побывать в тех местах, где были древнегреческие колонии и почувствовать гордость за человечество и преемственность поколений через трагедии и величие, сквозь тернии к звездам. По пути к автовокзалу зашел в столовую, позавтракал. Автовокзал он еще раньше заметил, во время ознакомительных прогулок по городу. Позавтракал и легким шагом направился на встречу с прошлым, к новым и необычным ощущениям. Автовокзал был небольшим и совсем обычным, советским, как и множество других по стране. Лёша долго ходил по нему, искал в расписании маршрутов направление на Гонио, но не нашел. Тогда он подошел к пустующему окошку кассы и спросил: Скажите, пожалуйста! Как мне доехать до Гонио!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.